

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2023-2-61-72

Сюжеты и образы истории и культуры Дальнего Востока в романе Всеволода Иванова «Голубые пески»

Елена Алексеевна Папкина

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

elena.iv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>

Аннотация

Роман Всеволода Иванова «Голубые пески» рассматривается с точки зрения отраженных в нем эпизодов истории Дальнего Востока и его культуры. В образах трех центральных персонажей романа – комиссара Василия Запаса, барона Унгерна и хана Чокана Балиханова, имеющих реальные прототипы в истории XIX–XX вв. и созданных писателем на основе документальных материалов, – Иванов прежде всего подчеркивает их великую цель – освобождение своего народа от внешней зависимости и объединение его на основе высокой идеи. Анализ героев романа показывает эти цели: для Запаса это воплощение идеи мировой революции в Красной Азии, для Унгерна – объединение племен монгольского корня в одно Среднее государство, для Балиханова – возрождение Алаш-орды – Великой Киргизии. Введенная писателем в роман легенда о голубых песках, которая относится, по классификации исследователя народной утопии К. В. Чистова, к «легендам об избавителях», показывает, что помыслы всех героев романа неосуществимы. Ответ на вопрос, почему масштабные исторические проекты спасения народов и приведения их в страну счастья неким героем-избавителем не могут воплотиться в жизнь, Иванов в романе «Голубые пески» дает, опираясь на традиции народной культуры Сибири и Дальнего Востока. В статье сопоставлено восприятие гадания по бараньим лопаткам, распространенного у некоторых народов Сибири и Дальнего Востока, героем романа Балихановым, учившимся в Петербурге, не верящим в значение обряда и утратившим чувство родины, и лирическими персонажами стихотворения Иванова «Жаурын-кора», для которых обряд – часть общей культурной парадигмы. Автором статьи сделан вывод о том, что писатель в романе подводит читателя к мысли, что утрата связи со своим народом, его стремлениями и обычаями, воплощенными в культуре, обрекает на провал самые благие помыслы о спасении этого народа.

Ключевые слова

Всеволод Иванов, роман «Голубые пески», сюжеты Дальневосточной истории, спасение народа, легенда об избавителях, традиции культуры, чувство родины

Для цитирования

Папкина Е. А. Сюжеты и образы истории и культуры Дальнего Востока в романе Всеволода Иванова «Голубые пески» // Сюжетология и сюжетология. 2023. № 2. С. 61–72. DOI 10.25205/2713-3133-2023-2-61-72

© Папкина Е. А., 2023

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетология. 2023. № 2. С. 61–72
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 2, pp. 61–72

Plots and Images of Far Eastern History and Culture in Vsevolod Ivanov's Novel "Blue Sands"

Elena A. Papkova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

elena.iv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>

Abstract

This article examines Vsevolod Ivanov's novel "Blue Sands" from the point of view of the episodes of the history of the Far East and its culture reflected in it. In the images of the three central characters of the novel – Commissar Vasily Zapus, Baron Ungern and Khan Chokan Balikhanov, having real prototypes in the history of the 19th – 20th centuries and created by the writer on the basis of documentary materials – Ivanov primarily emphasizes their great goal – the liberation of his people from external dependence and their unification based on a lofty idea. The analysis of the novel's characters reveals these goals: for Zapus it is the embodiment of the idea of a world revolution in Red Asia, for Ungern it is the unification of the tribes of the Mongolian root into one Middle state, for Valikhanov – the revival of the Alash Horde – Great Kyrgyzstan. The legend of the blue sands introduced by the writer into the novel, which belongs, according to the classification of the researcher of the people's utopia K. V. Chistov, to the "legends of the deliverers", shows that the thoughts of all the heroes of the novel are unfeasible. The answer to the question why large-scale historical rescue projects and bringing people to the land of happiness by a certain hero-deliverer, cannot come true, Ivanov in the novel "Blue Sands" gives, relying on the traditions of folk culture of Siberia and the Far East. The article compares the perception of fortune-telling by sheep's shoulder blades, common among some peoples of Siberia and the Far East, by the hero of the novel Valikhanov, who studied in St. Petersburg and who does not believe in the meaning of the rite and has lost his sense of homeland, and the lyrical characters of Ivanov's poem "Zhauryñ-Kora", for whom the rite is part of a common cultural paradigms. The author of the article concludes that the writer in the novel leads the reader to the idea that the loss of a sense of connection with your people, their aspirations and customs embodied in culture, dooms to failure the best thoughts about the salvation of this people.

Keywords

Vsevolod Ivanov, the novel "Blue Sands", plots of the Far Eastern history, the salvation of the people, the legend of the deliverers, cultural traditions, a sense of homeland

For citation

Papkova E. A. Plots and Images of Far Eastern History and Culture in Vsevolod Ivanov's Novel "Blue Sands". *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 2, pp. 61–72. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-2-61-72

Первый роман Вс. Иванова, «Голубые пески», был опубликован в № 3 (7) – 6 (10) за 1922 г. и № 1 и 3 за 1923 г. журнала «Красная новь». О замысле романа Иванов 15 мая 1922 г. писал А. Н. Толстому, определяя место его действия и тему: «С № 7 "Красной нови" будет печататься мой роман – "Голубые пески" в четырех книгах. Монголия. Сибирь. Снега. 40⁰. Поленицы трупов. Тифозные поезда и революции. Широколобый Восток и узкозадый Запад» (цит. по: [Папкова, Погорельская, 2019, с. 453]).

Описанные в третьей книге события происходят на Дальнем Востоке, в Монголии, текст открывается фразой, отделенной чертой от основного повествования: «Монголия, глухие земли; камень, песок да ветер!» [Иванов, 1973, с. 476]¹. Отметим, что две первые части не имели такого подобия эпиграфа. В третьей книге пейзажи Монголии занимают немаловажное место; например: «Влажным нателным гневом облились горы Монголии. Тоскливо молочно-белое небописание. Сухая степная обволочь подымается из пустыни к кряжам. Обсеменяет тоской камни, скот и погонщиков: в степи нет людей, есть только погонщики. Горы не дома: сколько ни поднимайся выше, теплее не найдешь» (с. 490).

Отличаются две первые и третья книги также местом и временем описанных событий. Действие первых двух книг происходит в Павлодаре, куда после февраля 1917 г. приезжает лихой революционный комиссар Василий Запус. Создается Совет «рабочих, солдатских, казачьих, крестьянских и казахских депутатов», обсуждаются планы мировой революции на востоке: «...отсюда, может, власть-то Советов в Китай, Монголию... Здесь недалеко Туркестан, Бухара, Маньчжурия. <...> Вся наша!.. Красная Азия! Ветер!» (с. 327). События третьей книги, казалось бы, разворачиваются в 1919 г. («От взятия Павлодара прошло два года» (с. 476)), в тексте есть и упоминания о власти Колчака. Однако другие исторические реалии, например письма барона Романа Унгерна фон Штернберга, который становится одним из персонажей третьей книги, отсылают к событиям последующих лет – 1920 и 1921 гг. В центре третьей книги – антибольшевистское казачье восстание в Сибири, поддержанное местным населением – казахами (в романе по-старому названы киргизами), которые, руководимые ханом Чоканом Балихановым, мечтают о возрождении «великой Киргизии» – «Алаш-орды» (с. 483), а также события на Дальнем Востоке, в Монголии, откуда барон Унгерн стремится начать создание «Серединного государства, возглавляемого императором из кочевой маньчжурской династии» (с. 500). Завершается третья книга своеобразным символическим текстом – легендой о голубых песках, которую уже в конце 1920-х гг. критик Вяч. Полонский комментировал следующим образом: «Легенда эта, выходит, далеко не революционная. И, однако, ее именем озаглавлен роман. Именно она брошена на последние страницы. Смысл же легенды о “голубых песках” заключен в том, что молодежь, пошедшая в гору, расшиблась и “на голубых песках было много крови”. Зоршинкид, “в голубой пыли побредший вверх по золотой дороге”, – “ушел и не возвратился...” Народ, который должен был пойти вслед за ним, вернулся к старым жилищам. Даже любимая девушка пришла к ним обратно. Правда, у Балиханова есть другой вариант, по которому видно, что “народ кидается вслед Зоршинкиду”... Кидается вслед... а дальше что? Вопрос безответен» [Полонский, 1929, с. 225]. В символической форме легенда показывает, что помыслы всех персонажей романа, направленные на создание Красной Азии, Великой Киргизии, Серединного государства, обречены на неудачу.

Показательно, что о «нереволюционности» романа Иванова критики заговорили лишь к концу 1920-х гг. В 1922–1923 гг. автора упрекали в растянутости (П. Коган), разбросанности, несвязанности отдельных мест (Фурманов) и других погрешностях формы. О «растянутости» писал и А. М. Горький, отмечая при

¹ Далее роман цитируется в тексте статьи по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

этом, что книга «проникнута объективизмом истинного художника» [Горький, 1963, с. 563]. Действительно, как и в случае с повестью и пьесой «Броне-поезд 14-69», в романе «Голубые пески» силы, противостоящие друг другу во время Гражданской войны, показаны достаточно объективно, с весьма сдержанным обозначением классового подхода и симпатий и антипатий автора. В каждом из названных персонажей, имеющих прототипы в реальной истории Сибири и Дальнего Востока, Иванов подчеркивает прежде всего его великую цель, которую принести спасение тому или иному народу. Остановимся кратко на трех героях романа.

В «Истории моих книг» Иванов вспоминал о своем знакомстве с прототипом комиссара Запуга: «В Омске, будучи еще красногвардейцем, я познакомился с командиром отряда, направленного из Москвы на Дальний Восток. <...> Командир отряда – Василий Запуг, красивый и необычайно веселый человек, даже о каторге вспоминал со смехом. <...> ... в Павлодаре о нем остались только рассказы, носившие легендарный характер. И позже о нем рассказывали лишь легенды. То говорили, что он ушел в Синьцзяньскую провинцию Китая и составляет там армию, то де скрывается в алтайских горах, где кует ружья необычайной меткости...» [Иванов, 1957, с. 146–147]. Комментируя мемуары писателя, историк А. А. Штырбул называет реальное лицо – «комиссара, командира матросского красногвардейского отряда из Петрограда М. А. Запуга, который прибыл в Сибирь (сначала в Тюмень) в начале 1918 г. и весной этого года с частью своего отряда некоторое время находился в Омске» [Всеволод Иванов..., 2018, с. 468]. Представляя идеи Запуга о Красной Азии, Иванов также нарушает реальную хронологию. Подготовка элементов «азиатской ориентации» мировой революции начинается не в 1917, а лишь в 1919 г. 20 февраля 1919 г. заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан направляет срочное секретное письмо В. И. Ленину о необходимости пропаганды на Востоке коммунистических идей и отчитывается: «В настоящее время Народный Комиссариат по Иностранным делам оказывает финансовую помощь китайской рабочей организации и корейскому национальному союзу. <...> от времени до времени посылаются на Дальний Восток китайские и корейские агитаторы, задачей которых является установление связи с пролетарскими демократическими организациями на Дальнем Востоке» [Коминтерн..., 1998, с. 130–131]. Августом 1919 г. датируется известное письмо Л. Д. Троцкого в ЦК РКП(б), где он не без оснований предполагает, что «инкубационный подготовительный период революций на Западе может длиться еще весьма значительное время». «Иначе представляется положение, если мы станем лицом к Востоку», – указывает Троцкий и предлагает «открыть довольно широкие ворота в Азию» [Там же, с. 145–149]. К этому в романе и стремится Запуг.

«Голубые пески» – первое художественное произведение, где в качестве персонажа выведен реальный исторический деятель Белого движения на Дальнем Востоке – генерал Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг (1885–1921). В описанных событиях он непосредственного участия не принимает, но представлен своими письмами, адресованными хану Балиханову и атаману Трубычеву. Известно, что реальный барон Унгерн в переписке с монгольскими ханами и сановниками, представителями киргизов, монархистами Тибета и Китая и русскими генералами излагал свои «взгляды на духовно-нравственное и политическое со-

стояние человечества» [Белов, 2003, с. 95]. Первое письмо из Урги (будущей столицы Монголии Улан-Батора), в которую в феврале 1921 г. вступила Азиатская конная дивизия Унгерна, процитированное в романе Ивановым, передает понимание героем настоящего и будущего человечества: «Государства крепили своими монархами и их верными помощниками-аристократами. У нас, аристократов, одна идея, одна цель, одно дело: восстановление царей. Как погибает человечество на Западе, под влиянием социалистических и анархических учений, так воскресает человечество на Востоке, хранящем в своих сердцах устои монархизма...» (с. 484).

Думается, что идея Унгерна о противостоянии Востока и Запада была близка молодому Иванову. О возрождении человечества на Востоке он, не будучи монархистом, много размышлял в повести «Возвращение Будды» (1923) и позднее, в дневнике от 23 марта 1943 г., записал: «Восток, раньше всех народов, нашел смысл жизни. Движение – зло. Неподвижность – добро. Чем быстрее движение, тем оно опаснее для человека. Самолет принес бомбу в 3,8 тонны» [Иванов, 2001, с. 296]. Видимо, интересовала писателя и сложная личность барона фон Унгерна-Штернберга. На возникающий вопрос об исторических источниках образа барона в романе «Голубые пески» сложно ответить однозначно. Об Унгерне, с публикацией его воззваний, писем и прокламаций, в 1920–1921 гг. писали газеты как Дальнего Востока («Воля», Владивосток; «Дальневосточная республика», Верхнеудинск; «Дальневосточный телеграф», Чита), так и русского зарубежья («Голос России», Прага; «Россия», Харбин и др.) Но, вероятнее всего, источником исторического материала для Иванова послужила брошюра известного «безбожника» Е. М. Ярославского (Губельмана), в сентябре 1921 г. являвшегося государственным обвинителем на процессе Романа Унгерна, «Барон Роман Унгерн-фон-Штенберг», которая вышла в Петрограде, в Госиздате, в 1922 г. В книге Ярославского приводились фрагменты писем барона Унгерна, например письма генералу Лю-Джан-Кую в мае 1921 г.: «Я знаю и верю, что только с Востока может идти свет, единый свет существования государства на началах правды, этот свет – восстановление Царей. Европейская культура принесла столько зла для государств Востока, что пора вступить в борьбу» [Ярославский, 1922, с. 5–6]². Иванов в романе «Голубые пески» использует фрагмент письма барона генералу Палту-Вану (у Ярославского приведен на с. 7), а также информацию о награждении Унгерна Богдо-ханом, которого барон освободил из-под ареста и которому вернул верховную власть: «...Богдохан милостивым приказом, данным в Урге, по высоким заслугам наградил русского генерала барона потомственным великим князем Дарван-хошей Цин-Ваном в степени хана. Ему предоставляется право иметь паланкин зеленого цвета, красновато-желтую курму, желтые поводья и трехчковое павлинье перо с присвоением звания: “дающий развитие государству Великий Герой”» (с. 501), которая у Ярославского дана на с. 12.

Однако в главном автор романа «Голубые пески» отходит от источника. Ярославский представляет Романа Унгерна «олицетворением кровожадной жестокости, неслыханных зверств», «садистом» [Ярославский, 1922, с. 2]. Ни слова об этом нет в романе Иванова. «План Унгерна» Ярославский называет «отражением

² Приведенные Е. М. Ярославским документальные материалы подлинны; см. современные источники: [Барон Унгерн..., 2004].

плана Японии», а самого барона – «слепым орудием Японии на Дальнем Востоке» [Ярославский, 1922, с. 5]; подчеркивает, что Унгерну «нужен хозяин», и не важно, кто это, – Япония, атаман Семенов или кто другой [Там же, с. 12]. Слова: «...имеет за плечами помощь Японии» (с. 477), которые в начале третьей книги романа «Голубые пески» говорит атаман Трубычев, относятся, судя по контексту, к хану Балиханову, в дальнейшем эта информация ничем не подтверждается. В отличие от Ярославского, целью которого является доказать, что Унгерн «виновен в вооруженном выступлении против Советской России с целью восстановления монархии, выполняя в то же время общий с Японией план», «виновен в бесчисленных преступлениях и зверствах, сжигании целых селений, вырезывании населения вплоть до грудных детей и всевозможных пытках и истязаниях» [Ярославский, 1922, с. 16], Иванов видит свою писательскую задачу совершенно в другом. Так, приводя дословно из брошюры Ярославского часть письма Унгерна: «В народе мы видим разочарование, недоверие к людям, ему нужны имена известные, дорогие, чтимые. Такое имя лишь одно – законный хозяин земли, император всероссийский Михаил Александрович...» (с. 500); [Ярославский, 1922, с. 10], – Иванов добавляет к тексту письма свой, подчеркивающий в личности Унгерна живые, человеческие черты: «Приказываю немедленно, объединив все силы, двинуться в местности, занятые отрядами Казагранди. Войти в ближайшее сношение с ханом Балихановым. Беспощадно наказываю изменников Родине... Атаман, ради бога, прошу...» (с. 500). Более всего акцентирует Иванов великую цель барона Унгерна – образование Серединного государства. Текст письма барона в романе «Голубые пески» составлен из его подлинного обращения к вождям казахов: «Монгольским племенам, где бы они ни жили, как со стороны Русской, так и со стороны Китайской революции грозит смертельная опасность... Борьба в объединении племен Внешней и Внутренней Монголии, управляемой ныне Богдоханом... объединение всех племен и верований монгольского корня в одно серединное государство, возглавляемое императором из кочевой маньчжурской династии...» (с. 500); [Ярославский, 1922, с. 6]. События лета и осени 1921 г.: поход Унгерна на территорию Советской России, отступление Азиатской дивизии в Монголию, заговор против барона и его арест, суд и приговор – в романе Иванова никак не освещены. О неудаче его планов читатель узнает из вопроса, заданного на суде атаману Трубычеву: «Не стояла ли в связи с крушением власти барона помощь Чокановых киргиз восставшим казакам?» (с. 520).

Сподвижником Унгерна в романе является Чокан Балиханов. Из романа читатель узнает, что он бывший инженер, «происходивший из древних киргизских родов ханов Чекменей» (с. 430), бежал в степь, где казахские бии «выбрали род Балихановых <...> потомственными ханами» (с. 460), а затем в Монголию. Там он собирает казахов, мечтает о возрождении Алаш-орды и готов помогать барону Унгерну: «...он <...> говорит о монархии на Востоке. Мне, аристократу, понятна его мечта» (с. 486). В тексте романа Унгерн одобряет деятельность Балиханова: «Барон Унгерн прислал нам приглашение приехать на совещание... Там, в приглашении, он отметил важность исполняемой нами работы» (с. 480). Обращение барона за помощью к казахам является историческим фактом: известны его письмо к вождям казахов и проект письма председателя Совета министров Монголии казахам: «Киргизы России уже разорены большевиками. Монголия испытала гнет беззаконий, чинимый китайскими революционерами-большевиками. Надо опа-

саться и начать борьбу... <...> Для этого нужен общий совет и обсуждение великой задачи. Призываю вас к совместной работе» [Барон Унгерн..., 2004, с. 161]. Как отмечают историки, на письма Унгерна казахи не ответили: вхождение в РСФСР открывало им более надежные перспективы [Белов, 2003, с. 108]. Отрекается от барона и Чокан Балиханов, утверждающий, что «кочевым народам необходимо в целях своего самосохранения приобщиться к европейской культуре. С этой целью он приехал в степь и, когда его выбрали ханом, согласился. Но <...> у барона Унгерна <...> были стимулы восточной культуры, как раз той, все этапы которой Восток прошел и благотворно которая на киргизах не отразилась бы» (с. 519). Однако и планам Балиханова о возрождении Великой Киргизии не суждено осуществиться.

Имя, данное Ивановым своему герою, указывает еще на один исторический прототип. Это выдающийся казахский ученый-этнограф Чокан Чингисович Валиханов. Сын султана, поборник русской науки и просвещения в казахстанских степях, он учился сначала в Сибирском кадетском корпусе в Омске, затем в Петербурге, был другом известных областников Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева. Знал много восточных языков, увлекался восточной поэзией, собирал и записывал казахские песни и легенды. Стремился к ускоренному развитию Казахстана, высоко ставил интересы казахского народа. Имя его в начале XX в. в Сибири было широко известно. Скорее всего, Иванов, уже живя в Петербурге и, как свидетельствуют его письма К. Н. Урманову, покупая книги по этнографии, был знаком с томом сочинений Валиханова, изданным в Петербурге в 1904 г., где собраны работы ученого по этнографии и фольклору. Сопоставление текстов дает возможность предположить, что при работе над финалом романа «Голубые пески» Иванов использовал материалы Валиханова, в частности о хане Аблае, для создания своей утопической легенды о голубых песках, которую в финале романа рассказывает бывший хан Балиханов, «занимающийся этнографией» (с. 528), находясь в концентрационном лагере.

Символический смысл легенды, в редакции романа 1922 г. монгольской, а в редакции 1927 г. – китайской, о том, что «золотая дорога» в горах, не приведет к счастью, относится, как мы уже отметили, ко всем названным персонажам романа. Если следовать классификации известного исследователя народных утопий К. В. Чистова, легенду о голубых песках можно отнести к легендам об избавителях, которые «ожидаются, должны возвратиться и изменить жизнь народа, состояние государства и господствующие в нем взаимоотношения...» [Чистов, 2011, с. 45]. Чистов выделяет среди них два типа: «религиозно-мессианские легенды о “спасителях” и легенды социально-политического характера о “возвращающихся царях (царевичах) избавителях”» [Чистов, 2011, с. 45] – и сосредоточивает внимание на втором, рассматривая в качестве примеров русские легенды XVII–XVIII вв. о царевиче Димитрии, Степане Разине, царевиче Алексее, сыне Петра I, легенду о Петре III и ее пугачевскую версию и др. Подобно названным историческим лицам и герою ивановской легенды – юноше Зоршинкиду, персонажи Иванова стремятся стать спасителями для своего народа. Но недостижимыми оказываются и Великая Киргизия, и Серединное государство, и Красная Азия. В финале романа Запус представлен, как полубезумный человек, стреляющий в стены, мужики его «считают <...> больным» (с. 526).

Как нам представляется, Иванов в романе «Голубые пески» задумывается над тем, почему масштабные исторические проекты спасения народов и приведения их в «страну счастья» некими героями-избавителями неосуществимы. По поводу планов Унгерна писатель замечает: «Атаман не верит в армию барона, на чужих землях армии похожи на перелетных птиц, не выводят птенцов и не защищают гнезд» (с. 484). Но это один ответ. Есть и другой. Его писатель дает, используя элементы культуры Сибири и Дальнего Востока.

В текст третьей книги романа «Голубые пески», где Трубычев и Балиханов ведут разговор о родине, Иванов вводит описание гадания на бараньей лопатке:

– Какая вам нужна родина, Чокан?

– Вы свою родину, атаман, почувствовали давно. Я до тридцати пяти лет жил в Петербурге и думал: моя родина – Россия. А теперь я растерян, мне так легко объяснить – да вот хотя бы беям – что степь должна быть нашей родиной, а не русских. Они очень легко соглашаются со мной и говорят, им не нужно идти с казаками в Россию, если степь их родина. Казаки захотят большего и вернуться сюда.

Чокан бросил в костер баранью лопатку.

– Я сейчас гадать буду. Если трещины пересекаются, к зиме мы придем в Россию.

– Зачем? <...>

Чокан, внезапно гикнув, вонзил шашку в баранью лопатку. Кинул кость на землю и наклонился.

– Э! Трещины прямые, как тракт. В России мы не будем, атаман. Я уйду со своими стадами в Индию.

– Вам география знакома?

– По географии я в Индию не попаду. Но стада доведут. Мы пойдем за стадами. Вы же расклетесь перед советским правительством, и, когда тысячи дураков с красными флагами в день Октябрьской революции пойдут гадить на улицы, вам, полковник, будет пожалована амнистия.

– Чокан!

– Я же учился в Петербурге. Там не верят бараньим лопаткам. Не верьте и вы... Я завидую людям, нашедшим родину, ибо, полковник, существует родина, похожая на текст «Слова о полку Игореве», читать можно, а попробуйте разговаривать на таком языке (с. 481–482).

Иванову принадлежит еще один текст, где использован тот же мотив гадания. В Омском государственном краеведческом музее в фонде П. Л. Драверта хранится рукопись стихотворений Вс. Тараканова (сибирский псевдоним Вс. Иванова). Ученическая тетрадь в линейку, где молодой писатель записал свои импровизации, не позднее 1920 г. была подарена им Драверту. В тетрадь вошли неизвестные ранее самокладки Иванова «Юрта» и «Жаурын-кора» – заглавие обозначает «гадание на бараньих лопатках, на которых, по преданию, Магомет написал Коран» (примечание автора):

Кизяк пахнет вкусно-вкусно,
А в котле айран кипит.
– Кызымил, ты, вижу, грустна,
Хочешь, будем ворожить.
Вот лопатку от барана
Положи в костер.
Как страница Ал-Корана
Будет вещь узор.

Наш пророк – святое слово
Начертал на них.
Ветер дунет – в сердце снова
Вспыхнет зовый стих.
– Ну, вынимай!
– Не обожгись.
Внимай
Аллаха мысль.
Трещёны <так в автографе> не пересекаются,
Трещёны прямые, как тракт.
– Кызымил, я говорил так.
Будет хороший знак. – Завари китайского чаю!³

Источником стихотворения является обряд – реальный факт религиозной жизни у некоторых народов Сибири и Дальнего Востока. «Гадание по лопатке у Аларских бурят, – отмечал Г. Н. Потанин, – производит обыкновенно шаман, но он передает их старикам, которые также разбирают черты. Одна сторона лопатки считается холодною, другая теплою. <...> Ответы, даваемые лопаткой, вроде следующих: кражу совершил халун хун, теплый человек, то есть однодворец, или хар-хун, черный человек, то есть чужеродец» [Потанин, 2005, с. 135]. История возникновения обряда рассказана в бурятском предании о ламе, имевшем много книг, раскрыв которые он узнавал всё. Во время одной из ночевки в степи он положил книги на землю, и их съели овцы, пасшиеся неподалеку. «Когда вы съели мои книги, пусть мое книжное ведение войдет в ваши тонкие кости, – сказал лама. – Я же обойдусь и без книг» [Сказания бурят..., 1899, с. 87].

Цель, с которой Чокан Балиханов в романе «Голубые пески» обращается к древнему гаданию, – узнать судьбу своего народа, соответствует смыслу, вложенному в обряд, как он описан у прототипа героя – Ч. Валиханова: «...баксы говорят, что лопатка всегда показывает полную судьбу семи народов: смерть царей этих народов, смерть людей <...> и судьбы путешественников» [Сочинения..., 1904, с. 279].

Пример с двумя формами использования гадания показателен. В самокладке и лирический герой, и девушка Кызымил, к которой он обращается, находятся внутри одной культурной парадигмы, и «вещий узор» прочитывается ими одинаково, не вызывая ни размышлений, ни сомнений. Герой романа «Голубые пески» Балиханов, рожденный в казахской степи, уехал в европейский город Петербург, отсюда его замечание: «Там не верят бараньим лопаткам, – не верьте и вы...» Сомнение в мудрости «языка степи», языка своей культуры, возникшее при соприкосновении с чужой культурой, как следует из слов героя, приводит к утрате чувства родины: «Я завидую людям, нашедшим родину...» (с. 482).

Как нам представляется, Иванов в романе подводит читателя к мысли, что именно утрата связи со своим народом, его стремлениями и чаяниями, воплощенными в культуре, обрекает на провал самые благие помыслы о спасении этого народа.

Возможно, именно поэтому, редактируя роман в 1927 г., писатель присоединяет к рассказу о Запусе повесть «Бегствующий остров», философским метатекстом которой является русская народная легенда о Беловодье. В финале этой редакции

³ Омский музей краеведения. Архив П. Драверта. 8513/3436. Л. 4 – 4 об.

романа комиссар Запус, как надеется автор, найдет опору в русских национальных ценностях.

Список литературы

- Барон Унгерн в документах и мемуарах / Сост. и ред. С. Л. Кузьмин. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2004. 675 с.
- Белов Е. А.* Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921. М.: Аграф, 2003. 240 с.
- Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / [Отв. ред. Н. В. Корниенко; сост.-Е. А. Папкина]. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 736 с.
- Горький М.* Серапионовы братья // Литературное наследство. Горький и советские писатели. Неизданная переписка / Ред. И. С. Зильберштейн, Е. Б. Тагер. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 736 с.
- Иванов Вс.* Дневники / Сост. М. В. Иванов, Е. А. Папкина; ред. А. М. Ушаков. М.: Наследие, 2001. 492 с.
- Иванов Вс.* История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 120–150.
- Иванов Вс.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 1. 624 с.
- Коминтерн и идея мировой революции. Документы / Сост. и автор коммент. Я. С. Драбкин и др. М.: Наука, 1998. 947 с.
- Папкина Е. А., Погорельская Е. И.* Всеволод Иванов и Алексей Толстой в 1920-е гг. // Алексей Толстой: Диалоги со временем / Отв. ред. Г. Н. Воронцова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 3. С. 442–468.
- Полонский Вяч.* Очерки современной литературы. О творчестве Всеволода Иванова // Новый мир. 1929. № 1. С. 220–235.
- Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского русского географического общества. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. Вып. 4: Материалы этнографические. 1064 с.
- Сказания бурят, записанные разными собирателями. Записки Восточно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества. Иркутск: На средства Д. Г. Гамбоева, 1899. Т. 162. 160 с.
- Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / Под ред. Н. И. Веселовского. СПб.: Тип. главного управления уделов, 1904. 533 с.
- Чистов К. В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 523 с.
- Ярославский Е.* Барон Роман Унгерн-фон-Штернберг. Пб.: Гос. изд-во, 1922. 16 с.

References

- Belov E. A. Baron Ungern fon Shternberg: Biografiya. Ideologiya. Voennye po-khody. 1920–1921 [Baron Ungern von Sternberg: A biography. Ideology. Military campaigns. 1920–1921]. Moscow, Agraf, 2003, 240 p. (in Russ.)
- Chistov K. V. Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funktsii sotsial'no-utopi-cheskikh legend) [Russian Popular Utopia (Genesis and Functions of Social and Utopian Legends)]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2011, 523 p. (in Russ.)

Drabkin Ya. S. et al. (comp.). Komintern i ideya mirovoi revolyutsii. Dokumenty [The Comintern and the idea of a world revolution. Documents]. Moscow, Nauka, 1998, 947 p. (in Russ.)

Ivanov Vs. Dnevniky [The Diaries]. Comp. by M. V. Ivanov, E. A. Papkova, ed. by A. M. Ushakov. Moscow, Nasledie Publ., 2001, 492 p. (in Russ.)

Ivanov V. V. Istoriya moikh knig [The history of my books]. *Nash sovremennik* [Our Contemporary], 1957, no. 3, pp. 120–150. (in Russ.)

Ivanov V. V. Collected works. In 8 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1973, vol. 1, 624 p. (in Russ.)

Gorky M. Serapionovy brat'ya [Serapion brothers]. In: Zilbershtein I. S., Tager E. B. (eds.). Literaturnoe nasledstvo. Gorky i sovetskie pisateli. Neizdannaya perepiska [Literary heritage. Gorky and Soviet writers. Unreleased correspondence]. Moscow, AS USSR Publ., 1963, 736 p. (in Russ.)

Kornienko N. V. (ed.), Papkova E. A. (comp.). Vsevolod Ivanov. “Bronepoezd 14-69”: Konteksty epokhi [Vsevolod Ivanov. “Armored train 14-69”: Contexts of the epoch]. Moscow, IWL Publ., 2018, 736 p. (in Russ.)

Kuzmin S. L. (ed.). Baron Ungern v dokumentakh i memuarakh [Baron Ungern in Documents and Memoirs]. Moscow, KMK Scientific Press Ltd, 2004, 675 p. (in Russ.)

Papkova E. A., Pogorelskaya E. I. Vsevolod Ivanov i Aleksey Tolstoy v 1920-e gg. [Vsevolod Ivanov and Aleksey Tolstoy in 1920s]. In: Vorontsova G. N. (ed.). Aleksey Tolstoy: Dialogi so vremenem [Aleksey Tolstoy. Dialogues with time]. Moscow, IWL RAS, 2019, iss. 3, pp. 442–468. (in Russ.)

Polonsky V. Ocherki sovremennoi literatury. O tvorchestve Vsevoloda Ivanova [Essays of modern literature. About the work of Vsevolod Ivanov]. *Novy Mir*, 1929, no. 1, pp. 220–235. (in Russ.)

Potanin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1879 godu po porucheniyu Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [Essays on Northwestern Mongolia. The results of a trip performed in 1879 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society]. Gorno-Altajsk, Ak Chechek, 2005, iss. 4: Ethnographic materials, 1064 p. (in Russ.)

Skazaniya buryat, zapisannye raznymi sobiratelyami. Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [The legends of the Buryats, recorded by different collectors. Notes of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. Irkutsk, At the expense of D. G. Gamboev, 1899, vol. 162, 160 p. (in Russ.)

Veselovsky N. I. (ed.). Sochineniya Chokana Chingisovicha Valikhanova [The writings of Chokan Genghisovich Valikhanov]. St. Petersburg, Printing house of the Main Department of the Appanages, 1904, 533 p. (in Russ.)

Yaroslavsky E. Baron Roman Ungern-fon-Shtenberg [Baron Roman Ungern-von-Shtenberg]. St. Petersburg, State Publishing House, 1922, 16 p. (in Russ.)

Сюжет в литературе и фольклоре

Информация об авторе

Елена Алексеевна Папкина, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Elena A. Papkova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 03.05.2023;
одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 20.05.2023
The article was submitted on 03.05.2023;
approved after reviewing on 20.05.2023; accepted for publication on 20.05.2023*